

Ф.М. Достоевский, В.В. Набоков и русская религиозная философия: тема искусства

В культуре русской эмиграции образ Достоевского распался на две составляющие: религиозные мыслители воспринимали его прежде всего как религиозного философа, писатели отстаивали представление о нем как о художнике. Так, например, В.Ф. Ходасевич в статье «О Сирине» подчеркивает «мастерство» Достоевского-художника. В.В. Набоков постоянно и подчеркнуто полемизирует с Достоевским, называя его «мистиком», «пророком», «трескучим журналистом» и даже «балаганного склада комиком», не принимая именно «мистического» подхода к Достоевскому.

Достоевский для Набокова – прежде всего великий русский художник. В поэтический цикл Сирина «Капли красок», посвященный теме искусства, вошло стихотворение «Достоевский». Доклад Набокова «Достоевский без достоевщины» – о «мастерстве» художника. В романе «Transparent things» образ карандаша, эта постоянная набоковская метафора творчества, переплетается с образом «маленького Достоевского», скитающегося по Европе.

Как известно, основные развернутые высказывания Набокова о Достоевском содержатся в его «Лекциях по русской литературе». Именно здесь он прямо говорит о своем стремлении «развенчать Достоевского»: «я равнодушен к Достоевскому-пророку».

Общим пафосом всех лекций Набокова о Достоевском становится тема творчества.

Повесть «Двойник» названа «совершенным шедевром», во многом предвосхитившим художественные открытия Дж. Джойса.

Суть своего художественного восприятия романа «Братья Карамазовы» Набоков воплощает в образе беседки: «круглый след от мокрой рюмки на садовом столе». Этот образ восходит к главе «Исповедь горячего сердца. В стихах», к встрече и разговору Дмитрия и Алеши в садовой беседке, к поэтической «исповеди» Мити. Беседка – это еще одна постоянная набоковская метафора творчества, связанная

с его детскими воспоминаниями. В «Других берегах» он вспоминает, как в садовой беседке написал свое первое стихотворение.

Именно в контексте анализа творчества Достоевского Набоков разворачивает свои размышления о природе творчества и искусства – как природе Божественной: «Искусство – Божественная игра. Эти два элемента – Божественность и игра – равноценны. Оно Божественно, ибо именно оно приближает человека к Богу, делая из него истинного равноправного творца. При всем том искусство – игра».

В данных высказываниях Набокова об искусстве без труда обнаруживается влияние русской религиозной философии, философской эстетики В.В. Розанова и Н.А. Бердяева, прежде всего.

Случайно или нет, но в контексте лекций о Достоевском у Набокова возникает имя Розанова (впрочем, только как «замечательного писателя»). При этом Набоков подчеркивает: «Я знал Розанова».

«Знал» – не только как человека, но и как мыслителя. Об этом с совершенной очевидностью свидетельствуют, в частности, лекции Набокова о Достоевском.

В следующем высказывании автора «Других берегов» очевидно влияние С.Н. Булгакова и Вяч. Иванова, их концепции романа Достоевского как «романа-трагедии»: «Есть в Достоевском нечто еще более необыкновенное. Казалось, самой судьбой ему было уготовано стать величайшим русским драматургом».

Так размышления Набокова о Достоевском как «художнике» и «пророке» позволяют нам – достаточно неожиданно – поставить вопрос о влиянии на Набокова русской религиозно-философской мысли.

Сам Набоков с этим, конечно же, никогда бы не согласился.